В. Я. ЕВСЕЕВ.

ТЕРМИН «ВИРО» В КАРЕЛО-ФИНСКИХ РУНАХ

(К вопросу о русско-карело-эстонских связях)¹

Лингвистический анализ термина «Виро» (как карелы и финны называют Эстонию) не является темой статьи. Перед автором поставлена задача — показать отражение русско-карело-эстонских связей на примерах появления термина «Виро» в фольклорном контексте идейно-содержательных вариантов карело-финских рун. Почему этот термин появляется лишь в определенных карело-финских эпических песнях и далеко не во всех местностях их бытования? Разрешение этого, впервые в таком аспекте взятого, вопроса возможно лишь в свете некоторых данных из топонимики и истории северо-западных областей европейской части СССР.

В данном случае нет надобности углубляться в сравнительный анализ всех сюжетов эстонских и карело-финских рун. Не пытается автор и разрешить вопрос о том, где, в какой этнической среде и когда возникли, в значительной мере, общие для эстов и карело-финнов сюжеты и мотивы ниже анализируемых эпических песен. Этот комплекс вопросов порочными путями пытались разрешить многие финские и эстонские фольклористы, подходя к проблеме эстонско-финских фольклорных связей в разное время по-разному². Но всегда они безуспешно пытались найти одно определенное место возникновения той или иной эпической песни.

Как уже указывалось, термин «Виро» в контексте народных песен специальному анализу не подвергался, но некоторые филологи на фактах появления этого термина в отдельных вариантах рун «Калевалы» пытались строить методологически порочные выводы об обстановке их возникновения и развития.

¹ Текст доклада, прочитанного в 1948 году на научной сессии Академии наук Эстонской ССР.

² К. Krohn. Eesti vanast rahvalaulust („Eesti kirjandus“, 1923); M. J. Eisen. Eesti osa Kalevalas („Eesti kirjandus“, 1910, V, 214—238); W. Schott, W. Vortrag über die finnische und estnische Heldensage (Monatsberichten d. Berl. Acad. Phil. hist. Cl. 1866, stp. 249—260); J. Krohn. Virolaiset ja ylimalkaan länsisuomalaiset aineet Kalevalassa („Suomi“, II, 10); J. Krohn. Suomalaisen kaunokirjallisuuden historia, I, Kalevala; A. Ahlqvist. Kalevalan karjalaisuus, s. 41—52.

В своей статье о финско-эстонских народных песнях, написанной на эстонском языке, К. Крон посвящает всего лишь один абзац вопросу о термине «Виро» в контексте отдельных вариантов рун¹. Целый ряд случаев наличия термина «Виро» в вариантах рун на разные сюжеты «Калевалы» отмечался в отдельных главах его «Истории рун Калевалы». Так, например, он отмечал, что, согласно отдельным приладожским вариантам руны о кантеле, этот инструмент изготавливается эстонским кузнецом Каука — кузнецом из «края Виро». Указывал К. Крон и на то, как, согласно записям рун северо-восточной Эстонии, игра на кантеле вызывает слезы девушек из края Виро. В ижорских вариантах другой руны говорится о том, как на «земле Виро», не подвергшейся переделу, кузнец устроил кузницу и выковал золотую деву. Ссылался К. Крон и на ижорские варианты руны о мести Куллерво, сына Калервы, согласно которым Унтамо хочет отнести своего племянника Куллерво в эстонский «край Виро» и оставить его лаять под забором. Далее отмечал он и такой ижорский вариант руны на сюжет «Калевалы», в котором говорится о герое, поехавшем в эстонский «край Виро» за вином и получившем там вести о смерти родных. Цитировал К. Крон и ижорский вариант руны, согласно которому Куллерво напоминает Унтамо о войне в «крае Виро», на датских землях. Поскольку эстонский край Виро входил в состав датских владений в 1219—1347 гг., то имеются все основания думать, что подобный мотив о датских землях в ижорском фольклоре связывается именно с этими датами. Наконец, К. Крон не оставлял без внимания вариант руны об освобождении солнца, в котором упоминаются колдуны из эстонского «края Виро»².

Однако К. Крон не останавливается на конкретных исторических условиях, определивших появление термина «Виро» в контексте этих рун. Дальше постановки проблемы об очагах возникновения рун К. Крон не уходит. Между тем, следует иметь в виду, что все перечисленные случаи упоминания термина «Виро» в вариантах рун на сюжеты «Калевалы» ни в какой мере сами по себе не могут служить доказательством в пользу определенных очагов возникновения соответствующих эпических сюжетов. Скорее всего, такие мотивы с упоминанием термина «Виро» в контексте вариантов рун на сюжеты «Калевалы» говорят вообще о тесных культурных связях эстов, карел, ижор и русских, отразившихся хотя бы в том, что, согласно северно-приладожскому варианту руны, к девушке приходят женихи из Пяйвелы, из эстонского края «Виро», и, наконец, появляется сын Коенена (эквивалент Ивана Годиновича). О подобного рода отношениях эстонцев «Виро», карел и финнов свидетельствует и следующий отрывок из свадебной песни в записи от Ларин Параске (Suomen kansan vanhat runot, V, 776 — «Старинные народные руны» (в дальнейшем цитир. сокращенно: KVR):

Virot etsit, maat valitset,
Kaikk on Karjalat kysytit,
Etsit Suomesta sukkuu,
Etsit Ruotsista rottuu,
Anoppii Aunuksesta,
Ja källyu Kärsälästä.

Всю Карелию изъездил,
Ты искал в эстонском крае Виро,
Выбирал невесту-финку,
В Швеции хотел сродниться,
В Олонце искал ты тещу,
В Кярсяле искал золовку.

¹ К. Крон. Soome-eesti vanast rahvalaulust... s. 443.

² К. Крон. Kalevalan runojen historia, стр. 53, 78, 264, 330, 662, 719, 735.

Нет необходимости заниматься статистикой, по примеру К. Крона, который в 1903 году считал, что из 45 сюжетов рун — 20 впервые появились в Эстонии, и который через 20 лет пришел к заключению о зарождении всех сюжетов рун в западной Финляндии и утверждал, что в Эстонии возникли лишь отдельные мотивы, отдельные эпизоды из системы этих сюжетов. Эти противоречия в положениях К. Крона вскрыл уже В. Сальминен¹.

Совершенно очевидно, что существовала общность эпических мотивов и сюжетов рун у эстов и карел. Несмотря на нехарактерные и случайные стычки эстов и карел в 1241 и 1253 гг., общественные отношения, существовавшие между ними длительное время, не могли не закрепить сближения отдельных эстонских и карельских рун не только в сюжетном отношении, но и в смысле синонимического употребления этнических терминов «karjalainen» и «virolainen» («карел» и «эст»), появляющегося, например, в отрывке руны (KVR, IV, 984):

Virolainen viekas poika,
Tuo kavvala karjalainen,
Veti virsiä re'ellä,
Saatto saanilla sanoja.

Хитрый парень Виrolайнен, (то есть эст)
Тот коварный карьялайнен (то есть карел)
Песни на санях везет,
На санях слова завозит.

Наличие терминов «виrolайнен» (эст) и «карьялайнен» (карел) в парифразах эпических песен особенно характерно для ижор и финнов Ленинградской области. Особенно часто такие парифразы появляются в вариантах рун, записанных в селениях Молосковицы и Хеваа (KVR, IV, 984, 2267, 4047 и др.).

Характерно, что сюжет руны о песнях, привозимых на санях, согласно парифразам многих вариантов, записанных в населенном пункте Тюре (KVR, IV, 3190, 3166, 3195), связывается с терминами «веняляйнен» — русский и «карьялайнен» — карел, из которых первый выступает на месте термина «виrolайнен» — «эстонец». Такая синонимичность терминов — карел, русский и «виrolайнен»-эстонец — в этой руне, как и в других песнях, объясняется определенными историческими причинами, согласованными действиями русских, карел и эстов против иноземцев, покушавшихся на их самостоятельность. Тесные культурно-экономические связи, существовавшие в продолжение многих столетий между русскими, карелами и эстами («виrolайнен»), привели и к тому, что в парифразах эстонских, как и в парифразах записей карело-финской и ижорской версий руны о песнях, привозимых на санях, название этого средства передвижения одновременно дается и на прибалтийско-финских языках, и на русском языке.

Всенародное восстание эстов в начале XIII века, начавшееся под руководством Лембита в эстонской местности Сакала против ливонских рыцарей, закончилось не только уничтожением значительной части эстонского населения ливонскими крестоносцами, но и могло вызвать бегство определенной, может быть первое время и незначительной, части эстов через рубеж под покровительство дружественно относившихся к эстам русских. Во всяком случае, такое переселение эстов исторически

¹ V. Salminen. Suomalaisen muinaisrunouden historia.

засвидетельствовано после аналогичных народных волнений 1343 года¹.

О перемещении каких-то, возможно малочисленных, родоплеменных групп из Эстонии на восток и север говорит и то, что из Эстонии на Карельский перешеек и в северную Карелию перенеслись не только сюжеты эпических песен о Леммиттуинене, везущем подать, и о войне около Нарвы, но и топонимические термины Сакала (центр восстания эстов в 1240 г. под водительством Лембита) и Нарва. Именно в селении Саккола на Карельском перешейке записаны руны о Леммиттуинене (в других местах это уже Лемминкяйнен). Песня же о войне около Нарвы бытует как среди ижор, так и в северной Карелии, где затерялась деревня Нарвозеро.

В свете этих фактов кажется знаменательной боязнь, высказываемая финским славистом Миккола при постановке вопроса о причинной обусловленности совпадения названий эстонской местности Сакала и селения Карельского перешейка Саккола².

Финляндские жрецы «чистой науки» предпочитают замалчивать такие факты филологического характера, которые проливают свет на дружественные отношения прибалтийско-финских племен и русских и совместную борьбу тех и других против ливонских рыцарей.

Между тем, именно в селении Саккола на Карельском перешейке, в вариантах руны о соблазнении сестры, герой (соблазнитель) носит имя Леммиттуинен, идентичное с именем из эстонской местности Сакала и о тезке которого в эстонской руне, записанной около Пскова (записи Neus'a, 115), говорится:

Отец воскликнул у дверей:
«Возьми посуду золотую,
Чашу смертную Лембита старого,
И утоли ты жажду молодежи».

Записанный Алквистом в 1854 году в Саккола на Карельском перешейке вариант руны содержит следующие стихи, аллегорически изображающие эстонские события многовековой давности (KVR, XIII, 1130):

Tuo on poika Tuurittuinen,	Это Туриттуинена был отпрыск,
Lemmittyisen liekuttama,	Леммиттуиненым воспитан,
Meni viemähän veroa,	Что нести походит подать
Maarahoja maksamahaan	И платить за землю деньги,
Omallalla orollansa...	На своей лошадке едет...
Neiot kirkkohon menevät...	Видит дев, идущих в церковь...
Tuo poika Tuurittuinen	Туриттуинена тот отпрыск
Ajoi neitonen keralla.	Едет с девушкой обратно.
Ulvoi ukset Uuven linnan,	Скрип ворот под Новгородом
Vinkuivat Viron veräjät	И дверей эстонских слышен
Tuota neittä naittaessa...	При женитьбе на девице...
Notkui suuret Suomen sillat	Гнулса финский мост огромный
Tuurittuinen karjan alla,	Под стадами Туриттуинена,
Lemmittyisen lehmäkarjan...	Под коровами Леммитту...

¹ Вопрос о русско-эстонских отношениях в связи с восстанием эстов под руководством Лембита подробно освещен в работе И. Шаскольского: Vene rahva ajaloolised sidemed Baltimaade rahvastega, Tallinn, 1946, стр. 33—34, 45—52 и др.

² J. J. Mikko la. Lännen ja idän rajoilta Helsinki, 1942, стр. 25.

Ниже мы увидим, что и другие сюжеты карело-финских эпических песен, включающие в себя мотивы о «Виро», об Эстонии, в той или иной мере связываются с расположенным на Карельском перешейке селением Саккола, название которого перекликается с эстонской топонимикой.

В некоторых из ижорских вариантов песен о соблазненной девушке (например, в одном варианте, записанном в селении Хеваа)¹ говорится о герое, едущем платить земельные подати из Выборга, приглашающем встречную девушку в сани и предлагающем ей яблоки и орехи, привозимые из «Виро», то есть из Эстонии, которая тут рассматривается как синоним имен Стокгольм и немецкая земля (Saksanmaa).

Отдельные записи ижорской версии песни, начинающейся мотивом о поездке героя с целью уплаты подати в Виро, в Эстонию, развивают не столько мотив о кровосмешении, сколько объясняют причину разлуки брата с сестрой и изображают поиски пропавшего без вести брата его сестрой. Так, в одной песне, записанной в селении Нарвуси, говорится (KVR, IV, 2160):

Mäni velloni Virroo

Пошел мой братец в край
эстонский (Виро)

Viemää verorahoja,

Подати нести деньгами,

Maksamaan maarahoja.

Деньги шел платить за землю.

Sieltä vello varrastettii.

Там был похищен мой братец...

Sison kera etsimää.

Искать его идет сестрица.

Etsi Suomet, etsi saaret,

Ищет в Суоми и в Саари,

Moskovan molemmat puolet,

С двух сторон Москву обходит,

Siis mäni perin Virroo,

Затем заходит в край эстонский (Виро),

Vell' oli seppien seass'.

И у кузнецов находит брата.

За исключением саккольского варианта, во всех населенных пунктах, где бытует руна о кровосмешении, на месте имени Леммиттуйнена появляется либо имя Туреттуйнена, либо просто — брат. Вопреки обыкновению, Ю. Крон не говорил о западно-финском происхождении этой руны. Он считал эту руну местным приладожским образованием, возникшим под влиянием соответствующих русских былин. Порочность этого утверждения Ю. Крона заключается в том, что влияние им рассматривается исключительно как внешний фактор развития, в то время как русско-карело-эстонские фольклорные связи внутренне обусловлены развитием дружественных русско-карело-эстонских отношений. Зачин руны о том, как Туреттуйнен идет платить подати, Ю. Крон сопоставлял с русской былиной, согласно которой Добрыня везет дань татарскому хану. И, действительно, в одном варианте руны говорится (KVR, IV, 3379, селение Копорина):

Poika Tuurista tuleepi,

Юноша пришел из Тури,

Tattarista tallajaapi,

Из Татарии вернулся,

Viemästä verojyviä,

Подати зерном везет он,

Maarahoja maksamast...

Деньги шел платить за землю...

Neito repsahti rekehen,

Дева села в его сани,

Niinkuin Suomen suolasäkki,

Точно куль финляндской соли,

Venäläisen vehnäsäkki.

Как мешок пшеницы русской.

¹ K. Krohn. Kalevalan runojen historia, стр. 703.

Мотив о приглашении девушки в сани характерен не только для карело-финских, но и для эстонских рун, причем здесь знаменательно то, что как в тех, так и в других слово «сани» тавтологически выступает в парифразах дважды, на двух языках: на русском и прибалтийско-финских. В эстонских вариантах, записанных в селах Пуогницы и Ярвенпя, эта парифраза выглядит так (Hurt, I, 492):

Säält naio saani satte,
Säält rekke rimahti...

Девушка уселась в санках,
На санях она расселась.

Нечто аналогичное записано в другом эстонском селении, в Ярвенпя (Hurt, I, 49):

Saani parras paukahtie,
Rie kõtar kröksahtie.

Борт саней затрещал,
Край саней заскрипел.

Подобные же парифразы выступают и в записях, произведенных в селениях Ленинградской области, — Тюре, Хеваа и Кубаница (KVR, IV, 2968, 3117, 4031), что можно иллюстрировать следующими отрывками:

Kāy seukko rekoseheni,
Sadis seukko saaniseni...
Neito reikahti rekehen,
Neito saikin saanin pāälle.

«Приходи, девица, в сани,
Ты садись в санях, девица!»
Девушка уселась в санках,
Девушка в санях уселась.

Мотивы руны о кровосмешении Ю. Крон сравнивал с соответствующими мотивами русских былин и народных песен. Однако Ю. Крон считал, что тут налицо лишь заимствование мотивов от славян, русских и варягов, поскольку якобы только у них, на северо-западе Европы, наблюдался обычай умыкания. Между тем, умыкание, как распространенный в период патриархально-родового строя обычай, могло с таким же успехом бытовать и среди ижор и карел, которым в силу этого не нужно было заимствовать от русских подобный фольклорный мотив, отражающий в себе обычай умыкания.

В значительной мере карельским образованием, связанным с эстонской фольклорной традицией, является распространенная к югу от Невы, на Карельском перешейке, в приладожской и олонецкой Карелии, руна о купленном Туриккайненым в Виро, то есть в Эстонии, гребешке, который ускользает из рук его сестры в воду; сестра гибнет в пучине, и животные приносят весть о ее смерти родным. Притом саккольские записи (KVR, XIII, 1208—1213), равно как варианты из селений Раугу и Пюхьяярви (KVR, XIII, 1204—1207, 1216), прилегающих к Сакколе на Карельском перешейке, а также записи ижорской версии из селений Нарвуси, Сойккола (KVR, III, 2694, 3512, 1954), Молосковицы, Кубаницы и Лассиля (KVR, IV, 3864, 2934, 2916, 2870 и др.) сохранили в этой руне мотив о ее герое (в одних случаях это — Туриккайнен, а в других просто — брат), едущем платить подати в «Виро», то есть в Эстонию. Кроме того, в вариантах, записанных в Нарвуси, Сойккола и Кубаницы, говорится о том, что целью поездки в Виро, в Эстонию, является уплата подати, а покупка гребешка лишь следствие поездки. В записях же версии, распространенной на Карельском перешейке в селениях Метсяпирти, Уусикиркко, Ряйселя, Куркиёки, в селениях Ленинградской области

Хаавикко, Хеваа и Тюро, в восточно-карельских и приладожско-карельских населенных пунктах — Ключина Гора, Поросозеро, Эльмитозеро, Суоярви, Суйстамо, Иломанци — совершенно отсутствует упоминание о поездке героя в Эстонию с целью уплаты подати. Характерно и то, что в приладожско- и восточнокарельской версиях появляется мужской эквивалент героя, гибнущего в пучине вслед за гребешком, притом этот герой носит имя Исакойне Суллервойне. Можно думать, что Суллервойне соответствует имени героя эстонского эпоса Сулеви, возможно, являющемуся эпонимом славян. Его второе имя, Исакойне, также можно рассматривать, как славяно-русское, греко-католическое имя, отразившееся в названии эстонской религиозной секты «исакские полуверцы», возникшей в восточноэстонском селении Исака¹, на что любезно обратил наше внимание И. П. Шаскольский.

Взаимоотношения карел и эстов из края «Виро» осуществлялись, главным образом, через посредство русских в продолжение многих веков уже до татаро-монгольского ига. Известную роль тут играло и греко-католическое вероисповедание карел и эстов из восточной части края Виро. В нижеприводимом отрывке ижорской песни своеобразно отразилось отношение карел и эстов из края Виро к православной церкви (KVR, IV, 3489, селение Коприна):

Virolaista viisi kuusi,	Пять-шесть эстов — виролайсет,
Kaksi kolme karjalaista,	Два-три карела — карьялайсет,
Nihoi viikon kirvestänsä.	Целую неделю свой топор точили.
Mäni puuta etsimähän.	Пошли дерево искать (для церкви).
Iski puuhun kirvehensä,	Ударили топором по дереву,
Puuhut kielin rupesi:	И заговорило дерево:
„Ei minussa niitä puuta,	«Из меня не выйдет бревен
Pyhän kirkon kynnyspuita!»	Для порога святой церкви!»

В этой связи отметим, что некоторые моменты южнокарельской руны о девушке Ирой, сначала родившей трех сыновей, затем идущей искать попа, чтобы крестить их, и, наконец, дающей им имена Вяйнямйнена, кузнеца Илмойллинена и юного Еукахайнена, сближаются с эстонским фольклором; в частности, имя «бабушка Иро» появляется в использованном Крейцвальдом в 3-ей песне Калевипоэга эстонском народном предании о камне, в который превратилась мать сына Калева — Линда. Однако характерно и то, что южнокарельская руна о матери героев рун — девушке Ирой, оказалась заброшенной далеко на север, в Кестеньгский район, где мы находим и такое топонимическое название, как Нарвозеро.

Если затруднительно сказать, каким образом в топонимике Кестеньгского района КФСР название «Нарвозеро» связывается с историей эстонского города Нарва, то западноижорское село Нарвуси значительно легче влетает в сеть событий, составляющих историческое прошлое древнего города советской Эстонии. В этой связи интересно отметить, что название «Нарва» в эстонской песне, записанной в селении Ярвенпя, в парифразе переплетается с названием Vennemaad² — русская земля. После подавления восстания эстов против ливонских рыцарей какая-то незначительная часть их, уйдя под покровительство русских и

¹ Временник Эстляндской губернии, Ревель, 1894 г.

² Hurt. Setukeste laulud, I, 203.

обрусев среди них, могла получить для поселения от новгородского архиепископа земли около Толвуи в Заонежье, и, в связи с этим, неудивительно, если даже в 1456—58 гг., согласно «Данной архиепископа новгородского Ефимия»¹, «земля Вирозерская» (получившая свое имя от эстов Виро) стоит как-то на особом счету. Таким же образом можно объяснить появление в южном Беломорье топонимического названия Вирма, этимологозирующегося как земля обрусевших эстов Виро.

Взаимоотношения карел и эстов-виrolайсет проявлялись как в том, что отдельные выходцы из эстонского края «Виро» обосновывались в Карелии, так и в том, что имелись и случаи обратного перехода некоторых беспокойных элементов с Карельского перешейка в эстонскую область Виро.

Ижорский вариант одной руны изображает такого беглого эстонца-виrolайнена, тут же в парифразе называемого карелом, следующим образом (KVR, IV, 2267, селение Хеваа):

Virolainen vainolain,	Беглый воин виrolайнен,
Kerikanta karjalainen	Быстроногий карьялайнен,
Mäni rannoille meroille...	Выходил на берег моря...
Sousi hään Suomen rantuelle.	Он приплыл на финский берег.
„Onko Suomesta siaista,	«Есть ли место здесь, в Суоми,
Paeta pahantekijän?»	Где я, беглый, мог бы скрыться?»
Suomen neiot vastasiit:	Девы Суоми отвечали:
„Ei oo Suomesta siaista...”	«Нет в Суоми места скрыться...»
Virolain vainolain,	Беглый воин Виролайнен
Tuo vierahii vettee...	В море бросился...

Выше уже отмечалась причина бегства отдельных свободолюбивых элементов эстов-виrolайнен из порабощенной в XIII веке ливонскими рыцарями Эстонии. Историческими документами как будто бы и не подтверждается возможность перехода отдельных вооруженных групп эстов — виrolайнен на Финский полуостров после поражения восстания эстонского народа под руководством Лембита, начавшегося в эстонской местности Сакала. Но в одном варианте руны (KVR, XIII, 1347), записанном опять же в селении Саккола на Карельском перешейке, изображается осада крепости Суоми сыном Випунена Леммитуйненым.

В качестве примера обратного перехода некоторых беспокойных элементов с Карельского перешейка в эстонскую область Виро можно привести следующие факты из истории города Выборга. Во время восстания крестьян окрестностей Выборга в 60-е годы XIV века против шведских феодалов некий Хаквинус с помощью городской бедноты и восставших крестьян вынудил крепость сдать и заключил арестовал Хаквинуса. Но Хаквинус бежал за помощью в Эстонию, к немцам, после чего впервые в истории Выборга упоминаемая карельская община (Comunitas Karelie) посылает из Выборга в Таллин письмо с нарочным, чтобы там не оказывали помощи Хаквинусу².

Любопытно, что отдельные варианты рун о поездке Лемминкяйнена в Пайвелу отражают уход героя в Эстонию — Виро. Так, например,

¹ Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941, стр. 103.

² J. W. Ruuth. Wiipurin kaupungin historia, т. 1, стр. 54—55.

в записанном в северной Карелии в селе Войницы от Юрия Андреевича Малинена варианте говорится (KVR, I, 802; ср. также KVR, I, 806):

Siitä kaunis Kaukomieli
Laskea kõrõttelevi
Syvimmälle Ruotsin maata,
Keskmale Viron tasoa.

Затем красивый Каукомиэли
Отправляется в поездку
На шведские окраины,
Вглубь земель эстонских — Виро¹.

Разумеется, в этом мотиве ни в какой мере не отражаются вышеизложенные события из истории Выборга. Но этот мотив руны, возможно, характеризует то, что факты ухода беженцев в Эстонию были не единичны, но что указывают и ижорские варианты рун (например, KVR, III, 282).

Общим для эстонско-карело-финской фольклорной традиции образованием является песня «о рабе из Виро», об эстонском рабе. По единодушному мнению филологов, эта песня отражает безрадостное прошлое эстонского народа в период господства ливонских рыцарей в Эстонии, длившегося несколько столетий.

Как эстонские, так и ижорско-карельские варианты песни об эстонском рабе, «о рабе из края Виро», в сюжетном отношении совершенно идентичны, а отдельные мотивы значительной части вариантов этой песни перекликаются с некоторыми мотивами рун на сюжеты «Калевалы». Однако приходится пока воздержаться от установления действительных причин такого совпадения фольклорных мотивов. Нет сомнений в том, что К. Крон упрощал проблему и подходил к ней формалистически, отмечая частичное влияние песни «о рабе из края Виро» на формирование отдельных мотивов рун на сюжеты «Калевалы». Так, например, это влияние он видел в отдельных образах ижорских вариантов руны об освобождении солнца, в образе Туонелы, появляющемся в ижорской руне о выполнении трудных заданий при сватовстве, в отдельных образах западнокарельских вариантов руны о посещении Вяйнямейненным Туонелы, в некоторых образах ижорских вариантов руны о предложении пива незваному гостю².

Но все эти моменты в какой-то мере свидетельствуют о том, что в развитии песни «о рабе из Виро» имеется тенденция распространить сюжет этой песни (возникшей под некоторым влиянием католических легенд и бытовавшей в эстонских местностях Пярну, Вильянди и Гарту) из Эстонии на северо-восток, к ижорам и карелам. Предположение финляндских филологов о возникновении этой легенды в западной Финляндии с последующим ее проникновением в Эстонию³ сомнительно.

Нет надобности останавливаться на анализе эстонских вариантов песни «о рабе из Виро», эстонском рабе. Такая работа проделана уже Ю. Кроном (*Kantelettaren tutkimuksia*, стр. 201 и сл.). Как это ни странно, но меньшее внимание уделил Ю. Крон анализу карело-финских вариантов этой песни. Он ограничился тем, что вкратце охарактеризовал районы бытования этой песни в Финляндии и Карелии. Он совершенно не остановился на причинах отсутствия вариантов этой песни,

¹ На мотив ссылается и К. Крон (*Soome-eesti rahvalaulust*, „Eesti kirjandus”, 1932, стр. 443, „Kalevalan runojen historia”, стр. 510), но так и ограничивается этой ссылкой, не делая из этого соответствующих выводов.

² К. Krohn. *Kalevalan runojen historia*, стр. 51, 287, 443, 570.

³ V. Salmine n. *Suomalaisten muinaisrunojen historia*, I, Helsinki, 1934, стр. 285.

с одной стороны, в финских областях Сатакунта, южной Хяме, Похьян-маа и, с другой стороны, в олонекской Карелии. Тем более, не отмечал Ю. Крон и того, что в ряде вариантов этой песни, записанных в отдельных ижорских селениях, например в населенных пунктах Хеваа (KVR, IV, 3948, 4041) и Метсяпиртти, Рауту, Саккола (KVR, XIII, 1414—1419), а также в некоторых населенных пунктах приладожской Карелии, например в Рауталахти, Импилахти, Суйстамо, Корписелькя, Иломанци (см. KVR, VII, 1401—1402, 1404—1408, 1411, 1413—1415, 1417—1420, 1432—1433, 1435—1437), герой не называется рабом из Виро, эстонским рабом, хотя в этой песне и говорится о домашнем рабстве. В этом отношении варианты, записанные в упомянутых селениях, сближаются с эстонскими вариантами анализируемой песни, что дает нам еще одно лишнее основание усматривать какие-то исторические связи между названием Сакала, центра народного восстания эстов в 1217 году, и вышеупомянутым названием населенного пункта на Карельском перешейке — Саккола.

Ниже, в целях уяснения путей проникновения песни о рабе из Виро на северо-восток, даются сведения о бытовании этой песни в отдельных местностях Ленинградской области, Финляндии и Карелии, с упоминанием во всех этих вариантах определения «раб из Виро».

Все варианты этой песни записаны на обширной территории бывшего расселения карел. На территории Карело-Финской ССР «раб из края Виро» упоминается в вариантах песни на этот сюжет, записанных в следующих населенных пунктах республики: Каменное озеро, Ладвозеро, Вокнаволок, Руокоярви, Суйстамо, Лоймола, Койтонселькя, Соанлахти, Корписелькя, Суоярви (см. KVR, I, 1246—1249, VII, 1403, 1409, 1410, 1412, 1416, 1421, 1423—1426). В Финляндии упоминание «раба из края Виро» встречается в вариантах песни на этот сюжет, записанных лишь на бывшей территории карел в населенных пунктах юго-восточной части страны — в Коверо, Иломанци, Пуумала и Юва (см. KVR, VII, 1428—1431, 1434, 1438, VI, 406—409). Все остальные варианты этой песни с упоминанием «раба из края Виро» записаны в следующих населенных пунктах Ленинградской области: Пюхьярви, Куолемаярви, Виролахти, Вуоле, Марккова, Лембалово, Токсово, Коприна, Лиссиля, Кубаницы, Тюро, Медусси, Шпанково, Молосковицы, Сэйккола. Нарвуси (см. KVR, XIII, 1420—1428, V, 1105—1132, IV, 3351, 3252, 3777, 2942, 3154, 2522, 2207, 2409, 2644, III, 1527, 1967, 2329, 1436, 1790, 1874, 2530, 2607, 2775, 2837, 3223, 3665, 3875, 3877, 3880), причем наибольшее количество вариантов песни записано в прилегающем к Эстонии селении Нарвуси.

Кроме отмеченных местностей бытования песни о рабе из Виро — Эстонии, начало ее, с упоминанием термина «раб из Виро», встречается в отдельных вариантах колыбельной песни, записанных в северной части финляндской области Хяме¹. В восточно-финляндском, но по происхождению карельском, селении Иломанци упоминание раба из Виро — Эстонии отмечается в песне, согласно которой герой едет свататься в восточнофинскую область Саволаксу к дочери черного старика (KVR, VII, 1370).

Некоторые варианты ижорской песни о рабе из Виро — Эстонии, например вариант, записанный в селении Лиссиля (KVR, IV, 3776), дают контаминацию с песней о посеве зерен, полученных в оплату за

¹ J. Krohn. Kantelettaren tutkimuksia, стр. 222.

рабский труд в Эстонии, на шведской земле, на межах полей Виро — Эстонии.

Такой же мотив о посеве зерен на шведской земле и на рубежах Виро встречается в отдельных вариантах другой ижорско-карельской песни, песни о девушке, заболевшей на земле Виро. Вариант этой песни в такой контаминации записан в селении Ленинградской области Хаавикко (см. KVR, III, 2922).

Поскольку в вариантах этой песни о девушке, заболевшей на земле Виро, так же как и в предыдущих песнях, упоминается термин «Виро», представляет интерес дать краткий анализ бытования этой песни. Совершенно не случайно песня о девушке, заболевшей на земле Виро, отсутствует в репертуаре сказителей финляндских областей Саволакса, Хяме, Сатакунта, Похьянмаа, равно как не бытует эта песня и в Карелии.

Какие-то причины привели и к тому, что в ряде населенных пунктов Ленинградской области, например в селениях Сойккола (KVR, III, 1367, 1363—1365, 1369, 2333), Нарвуси (KVR, III, 1893), Хеваа, Каприо (KVR, IV, 2069—2074), совершенно не упоминается земля Виро, как место заболевания девушки, хотя сама песня в этих населенных пунктах записана во многих вариантах. В некоторых из этих вариантов говорится о том, что девушка заболела на немецкой земле, но название Виро-Эстония в парифразе не упоминается.

Из упомянутых селений лишь в Нарвуси (KVR, III, 3996) обнаруживается один вариант, согласно которому неизвестно где заболевшую девушку предлагают отнести в церковь Виро, в эстонскую кирку. Но в целом ряде других ижорских населенных пунктов записаны такие варианты, в которых обязательно упоминается о том, что девушка заболела на немецкой земле Виро (Saksan maalla-Virossa). Таковы варианты (KVR, IV, 2606, 3164, V, 826—835, XIII, 1907—1107), обнаруженные в селениях Ленинградской области Тюро, Шпанково, Вуоле, Токсово, Лембалово, Метсяпиртти, Рауту, Саккола, Яккима. Любопытно, что в одном варианте, записанном в селении Токсово (KVR, V, 825), говорится о том, что на немецкой земле Виро (Saksan maalla-Virossa) заболела не девушка, а слег юноша. Упоминается заболевшая на немецкой земле Виро — Эстонии девушка и в одном варианте западнокарельского населенного пункта Иломанци.

Чтобы охарактеризовать пути контаминации мотивов в этом иломанцинском варианте песни о заболевшей эстонской девушке, приведу отрывки из этой песни (KVR, VII, 1367):

Viron neiti sairasteli,
Sano sairastellessansa:
„Kun ma kuolen kuulu piika
Viekeä minua maata
Veikon venevalkamahan!“
Eipä saane neito maata
Tuohon saavat Saksan laivat,
Tulee Tukhulmin purret.

В Эстонии болела дева,
Молвила она страдая:
«Коль умру я, знаменитая служанка,
Вы меня похороните
Около ладьи родного брата!»
Не спокойно спать девице:
Появляются там корабли немцев,
Подплывают судна из Стокгольма.

Этот вариант песни о девушке, заболевшей в крае Виро, как видно из контекста, контаминируется с мотивом о немецких и стокгольмских кораблях, который обязательно представлен в многочисленных вариантах другой ижорско-карельской песни, повествующей о победе русских

над шведами, достигнутой в результате морской битвы. Кстати, в десятках вариантов этой песни (например, KVR, III, 4057 и др.) указанный мотив представлен с синонимическим употреблением определений «немецкие корабли» и «эстонские лодки» и выглядит в следующем виде:

Tuohon saivat Saksan laivat,
Vierivät Viron venheet.

Туда подплыли судна немцев,
Прибывали лодки эстов (Виро).

Сравнительный анализ нескольких вышеупомянутых ижорско-карельских сюжетов песен, в большинстве вариантов построенных на упоминании термина Виро — Эстония, сопоставление географического их размещения с данными топонимики и истории северо-западной части СССР позволяют прийти к следующему предварительному выводу.

Песня о рабе из края Виро могла получить, например по сравнению с песней о девушке, заболевшей на немецкой земле Виро, более широкое распространение именно потому, что социальная функция песни «об эстонском рабе» оставалась действенной далеко за пределами эстонской области Виро. Сходные социально-экономические условия, картина социального неравенства, наблюдавшаяся в продолжение многих столетий как в Эстонии, так и на Карельском перешейке, а также и значительно севернее, привели к тому, что песня «о рабе из края Виро» бытовала и в Эстонии, и в северной Карелии, как своя, отражающая настроения народных масс, песня.

Что же касается песни «о девушке, заболевшей на немецкой земле Виро», то участь девушек, ставших, очевидно (судя по контаминациям этой песни с мотивом о проплывающих мимо девушки кораблях немцев), жертвами рыцарей и купцов, которые, прибывая на немецких кораблях в эстонский край Виро, повидимому и занесли сюда упоминаемые в песне болезни, — интересовала далеко не всех карело-финских сказителей.

Неудивительно, если дальше западного Приладожья эта песня не распространилась. Хорошая сотня вариантов песни о девушке, заболевшей на немецкой земле Виро, записана исключительно лишь в непосредственной близости к месту действия, описанному в песне.

Песни с упоминанием термина «Виро» бытовали преимущественно там, где так или иначе появились группы карел, взаимодействовавшие с этими Виро сотни лет тому назад. Такой, издавна оторвавшейся от основного карельского гнезда, этнической группой были ижоры, к которым несколько свысока относились пришлые с Финского полуострова этнические группы савакот и эвремейсы, придавшие определенный эмоциональный характер парифразам типа:

Maan kavala karjalainen,
Viirosilmä virolainen.

Коварнейший карел,
С маленькими глазками

эст из края Виро.

Термин «Виро» появляется и в ижорских песнях, отражающих более поздние исторические события. Но гнет русского самодержавия привел к тому, что героями этих песен уже не являются ни виролайнены-эстонцы, ни карелы. Так, например, простым географическим понятием высту-

пает термин «Виро» в следующем отрывке варианта ижорской руны (KVR, III, 1000):

Oli tuhma turkkilaine,	Был неразумный турок,
Arvaamaton aglitsaine,	Нежданный англичанин,
Seilais suuria meriä,	Он по морям большим плывал
Viipurin ja Viron väliä,	Между Выборгом и краем Виро,
Seilais meijen merellä,	Проплывал он нашим морем
Ja Setskuarron meren selällä.	Мимо Сейскари проплыл он.

Вариант этой песни в какой-то мере отражает петровский и после-петровский периоды истории России, может, быть, морскую битву при Гангуте, когда английский флот дожидался результатов боя между шведскими и русскими военными кораблями, надеясь чужими руками жар загребать. Вариант народной песни сообщает, что действие происходило между Выборгом и Виро — Эстонией, притом край Виро выступает в песне лишь как не играющая активной роли географическая координата.

В условиях гнета царского самодержавия народная песня теряет свой героический характер, черты эпического повествования. Правда, согласно некоторым вариантам карельских и ижорских песен, кузнец Ильмаринен еще стремится помогать царю Петру Первому в осаде Выборга, а рожок пастуха Куллерво вызывает к мести иноземным полчищам Бонапарта, разорившим русскую землю в 1812 году. Но это — лишь единичные проявления героизма в народной песне, отражающей события XVIII—XIX веков.

Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция снова открывает пути для развития нового героического эпоса у карел, которые уже давно забыли название «Виро» в значении «Эстония». Следуя старой традиции, карельские сказители начинают петь о том, как кузнец Ильмаринен едет вместе со Сталиным на Царицынский фронт, как в кузнице того же кузнеца куются стальные кони для трактористов, как советский кузнец идет сражаться против иноземных захватчиков.

С тех пор как эстонский народ вошел в великую семью народов СССР, карелы знают эстонцев уже по их самоназванию и не узнают в названии «виrolайнен» представителей братского народа. Если когда-то, сотни лет тому назад, карелы вступали в дружественные отношения лишь с частью эстонцев из области Виру, то теперь они видят во всех эстонцах таких же, как и другие народы СССР, борцов за счастливое будущее человечества.